

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

— Стенд
международной
галереи Орега

МЫ НЕ ХОТЕЛИ ДЕЛАТЬ ДЕКОРАЦИЮ, МЫ ХОТЕЛИ ДЕЛАТЬ ИНСТАЛЛЯЦИЮ ЖАН-ШАРЛЬ ДЕ КАСТЕЛЬБАЖАК

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

Для меня история биеннале — это авантюра с историей. Я вижу биеннале как самый прекрасный в мире «кабинет достопримечательностей», полный разнообразия и случайностей, не свойственных музеям. Это спектакль тысячи впечатлений. Но я не был главным художником всей биеннале, мне было поручено оформление экспозиции, посвященной Наполеону I. Это собрание интереснейших предметов из коллекции Пьер-Жана Шалансона. Мы не хотели делать декорацию, мы хотели делать инсталляцию. А получилось это так. У меня звонил телефон. Кто говорит? Наполеон! Во всяком случае, его пресс-атташе. Он мне сказал: «Господин де Кастельбажак, не могли бы вы приехать в Фонтенбло, мы хотели бы с вами встретиться».

Когда я приехал в Фонтенбло, меня провели к Императору. Он сказал: «Я хотел бы, чтобы вы поработали над новой цветовой гаммой, новым стилем. Вам надо рассказать молодежи о современности, и поскольку теперь войны происходят в основном на полях экономики, я хотел бы запустить люксовую марку “Наполеон. Основано в 1804”».

С этого момента я начал думать о новом логотипе для императора, о новом стиле. Я думал об архитектуре, которая его окружала, это была архитектура путешествия, кочевая архитектура. Я думал о палатке, о знаменах, о чувственности ткани, которую я так хорошо знаю. Мне хотелось прозрачности, цвета, в первый раз в моей жизни я стал «Пастельбажаком».

— Ювелиров с Вандомской площади не хватало на выставке. Площадь пришлось дорисовать

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

в синдикате антикваров и предпочли не вмешиваться в них: «Что вы от нас ждете, если не можете поладить между собой».

На сей раз на биеннале почти отсутствовали ювелиры, с которыми разошлось прошлое руководство Национального синдиката антикваров. Предводители SNA решили, что ювелиры занимают слишком много места и отнимают у искусства слишком много внимания. Доводы, что ювелирное искусство — тоже искусство, что это важная часть французской культуры (а ведь биеннале считает себя сливками национального art de vivre), и наконец, что финансовый вклад больших марок попросту невосполним, не подействовали. Поссориться оказалось просто, а вот наладить отношения не удастся третий год. Марки распробовали независимость и вовсе не собираются возвращаться туда, где их поставят в ряд и подвергнут цензуре.

Один из советников нынешней биеннале, бывший генеральный директор Cartier, а ныне президент Fondation Cartier Ален-Доминик Перрен в интервью La Gazette Drouot напомнил, что событие называлось когда-то «Биенна-

ле антикваров и ювелиров»: «Пять лет назад Cartier, Piaget или Van Cleef & Arpels поссорились с организаторами биеннале и заменили ее своими собственными мероприятиями. Она им больше не нужна. Меж тем клиенты этих ювелиров самые богатые люди мира, о которых обычно не могут и мечтать торговцы антиквариатом».

Нынешнее руководство прилагает огромные усилия, чтобы вернуть ювелиров и часовщиков. На трех последних биеннале побывали Фаваз Грузи из de Grisogono, индеец Нирав Модии из Nirav Modi, швейцарская марка Boghossian и китайская марка Anna Hu Haute Joaillerie. Свои стенды имели и часовщики: Франсуа-Поль Журн — основатель марки F. P. Journe и Жером де Витт, основатель марки DeWitt. Но в этом году Парижу они предпочли Женеву и салон SIHH.

На нынешней биеннале всех современных ювелиров представлял единственный Лоренц Баумер из Lorenz Baumer, частной ювелирной марки с Вандомской площади. А часовщиков — только часы F. P. Journe на руке Матиаса Ари Жана.